

Л.А. Озеров

«Там человек сгорел...»

<...>

...С портрета смотрит на вас бородатый человек. Взгляд его строг, может показаться даже — самоуверен и самодоволен. Управляющий имением? Мировой судья? Военный лекарь? Невозможно себе представить, что за этой кожурой непроницаемой внешности скрывалось легкоранимое ядро — сердце одного из самых нежных русских лириков. До чего же внешность бывает обманчивой и подчас противоположной тому, что показывает духовная жизнь этого же человека!

Есть поэты, у которых биография более или менее полно и глубоко возникает из самих стихов. По книгам или циклам произведений восстанавливаются этапы жизни их творца. Фет не из числа таких поэтов. Его жизнь и его поэзия в известной степени антиподы. Это становится очевидным даже при беглом сравнении мемуарных книг поэта («Ранние годы моей жизни» и «Мои воспоминания») с его лирикой.

Сам Фет подчеркивал полярность своей поэзии и обстоятельств жизни. Как убедятся читатели, это не всегда обстояло так, не совсем так, а подчас и вовсе не так. Жизнь поэта не могла не врываться в его творчество и не могла не диктовать ему все то, что она властна диктовать. Но на первый взгляд перед нами как будто бы два человека, даже два несовместимых человеческих типа: жесткий, хозяйственный, прижимистый землевладелец и нежный, восторженный, доверчивый лирик.

Лирик из рук в руки передает читателю свое сердце.

И я не открываю здесь ничего нового. Но я это повторяю потому, что Фет являет удивительный пример такой передачи сердца из рук в руки. Мемуары и письма Фета, при всей их большой и все увеличивающейся ценности, не обладают все же той силой достоверности и исповедальности, которые заключены в его лирике. «Там человек сгорел» — смело можно сказать его же словами о его лирических стихотворениях.

Афанасий Афанасьевич Фет родился в ноябре 1820 года в имении Новоселки (прежнее название Козюлькино), недалеко от Мценска Орловской губернии. Отец его — ротмистр в отставке, помещик Афанасий Неофитович Шеншин — принадлежал к старому дворянскому роду Шеншиных. Мать — Шарлотта Фет (Foeth), дочь оберкригс-комиссара Бекнера, носила фамилию по своему первому мужу. Дальнейшие фамильные и родовые злоключения ее старшего сына Афанасия будут изложены отдельно. Они достойны особого разговора в силу того, что имели важное влияние на род и характер жизни поэта.

До четырнадцатилетнего возраста Фет жил и учился дома, затем он был отвезен в пансион Крюмлера в городке Верро (ныне Выру, Эстония). Здесь он провел три года. Затем полгода Фет пребывал в пансионе известного историка профессора Погодина в Москве, после чего поступил в Московский университет, сперва на юридический факультет, а потом — на словесное отделение философского факультета. В университете полагался четырехгодичный курс, а Фет пробыл все шесть, — учился плохо. «Вместо того, чтобы ходить на лекции, я почти ежедневно писал новые стихи», — признавался Фет впоследствии.

В университете в ту пору преподавали такие люди, как Шевырев, ставший почитателем и покровителем поэта, Грановский, Крюков. Среди его друзей по университету были А. Григорьев, в доме у которого Фет прожил все свои студенческие годы, Я. Полонский, К. Кавелин. «...Дом Григорьевых был истинною колыбелью моего умственного Я...» — писал позднее поэт. Поощряемый окружающими его людьми, Фет

в 1840 году издал сборник стихов «Лирический пантеон», не имевший читательского успеха, хотя и благосклонно встреченный тогдашней прессой.

В дальнейшем Фет деятельно сотрудничает и в прогрессивных «Отечественных записках» и в реакционном «Москвитяине», очевидно не делая для себя разницы между ними.

Образованность и литературные успехи сулили поэту долговременное жительство и службу в Москве. Но Фет становится военным. В 1845 году он поступает в кирасирский «Военного Отдела» полк, кавалерийский, весьма захудалый, расквартированный по глухим углам Херсонской губернии. В 1853 году Фет переходит в гвардию, в лейб-уланский полк, расквартированный под Волховом. Поэт имеет теперь возможность бывать в Петербурге. Через три года (в 1856) Фет берет сперва годовой отпуск (который частично проводит в Германии, Франции, Италии), а затем и вовсе увольняется в бессрочный. В 1858 году он выходит в отставку.

В это же время продолжает развиваться его литературная деятельность. В 1850 году выходит в Москве сборник его стихотворений. Он знакомится в Петербурге с Некрасовым, Панаевым, Дружининым, Львом Толстым, Гончаровым. Он встретил здесь прежних своих знакомых Тургенева и Боткина, сестра которого Мария Петровна стала женой поэта. Тургенев много способствовал изданию третьей книги фетовских стихотворений (1856). И тем не менее поэт убеждается «в невозможности находить материальную опору в литературной деятельности».

Новый поворот в судьбе поэта наступил в 1860 году. Он купил Степановку, хутор с 200 десятин земли в том же Мценском уезде. Здесь он всерьез занялся хозяйством: отделал дом, расширил его пристройками, насадил аллеи, выкопал пруды и колодцы. Он повел хозяйство по всем правилам тогдашней науки. Здесь ему везет. «Он теперь сделался агрономом-хозяином до отчаянности, — писал Тургенев в одном из писем, — отпустил бороду до чресл — с какими-то волосяными вихрами за и под ушами, — о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом».

В эту пору он становится мировым судьей, пишет статьи о сельском хозяйстве, обращается к властям с требованием защитить помещиков и их интересы от крестьян и вольнонаемных рабочих. Эти статьи вызвали протест прогрессивно настроенных людей.

В 1863 году — к 25-летию литературной деятельности — Фет выпускает двухтомное собрание стихотворений. Но уже в 1870-е годы он более не появляется в печати. Его начинают забывать. О нем говорят в таких тонах: «...некто Фет, бывший в свое время известным поэтом» (Чернышевский).

Именно в эту пору самым близким Фету человеком и писателем был Лев Николаевич Толстой. Их дружба, переписка, встречи оказали благотворное влияние как на одного, так и на другого.

Став помещиком, занявшись хозяйством, Фет рассуждал примерно так: стихи не могли дать ему «материальной опоры», это и было причиной бегства в Степановку. Поэзию свою — полагал Фет — надо спасти от прямой материальной зависимости. Надо обеспечить себя настолько, чтобы творить без оглядки на переменчивость жизни. Как сад ограждают забором, так оградил Фет свою поэзию от диктата литературной моды и издательского рынка.

У Фета путь к независимости состоял в завоевании прав называться русским дворянином, коего он был лишен в четырнадцатилетнем возрасте. Власти посчитали его сыном немца Фета и лишили его всех дворянских привилегий. Долгое время ему пришлось подписываться: «К сему иностранец Афанасий Фет руку приложил».

Лишь в конце 1873 года за Фетом была утверждена отцовская фамилия — Шеншин и возвращены все связанные с этим права. Он добивался этого всю жизнь.

Независимости добивался Фет и путем упрочения своей хозяйственной деятельности. В 1877 году он продает свою Степановку и покупает большое имение Воробьевку (в Щигровском уезде Курской губернии).

Деревня Воробьевка — на левом, луговом берегу реки Тускари, господская усадьба с роскошным, на восемнадцати десятинах, парком — на высоком правом берегу. Каменный дом, вековые дубы, фонтан против балкона... Хозяйство на 850 десятинах велось управляющим, хозяин же наконец получил полную возможность вновь заняться литературой и отдаться ей целиком. Человек скрытный, по мнению многих современников, жесткий, Фет не шел на быстрое и легкое сближение с людьми. Он был замкнут, и его сердце было отдано прежде всего стихам.

Фет оборонял свое трепетное, легкоранимое сердце поэта, постоянно находившееся в ожидании музыкально-лирических минут. Надо решительно отвергнуть шаржированный образ, созданный критиками — современниками Фета. Послушать их, то перед нами возникнет не один из самых проникновенных русских лириков, а этакий Аракчеев или этакая Салтычиха, писавшие в свободное от службы и хозяйства время лирические стихи. Это, как мы увидим, далеко не так, все гораздо сложнее.

В Воробьевке Фет проводит летние месяцы (начиная с середины апреля), а в зимние — живет в собственном доме в Москве, на Плющихе, который был куплен в 1881 году.

В последний период своей жизни Фет много пишет. Он издает четыре книги стихотворений под общим названием «Вечерние огни». Он пишет два тома книги «Мои воспоминания» и книгу «Ранние годы моей жизни». Он много переводит: Шопенгауэр («Мир как воля и представление»), «Фауст» Гёте, Овидий, Вергилий, Катулл, Тибулл, Марциалл, Проперций, Плавт. Он выпускает переводы всех сочинений Горация, начатые еще в студенческие годы.

Последний период жизни отдал, как и начальный, — творчеству. «Как соловьи, Фет пел только на заре, в молодости и в старости», — замечает биограф.

В эту пору Фет издавал свои книги сам. Он всерьез занялся издательской деятельностью, некоторые его переводы выходили в свет повторно. Переводы Фета, многочисленные и далеко не всегда удачные, объемлют многие литературы мира: здесь Саади и Анакреон, Гёте и Гейне, Байрон и Мур, Шенье и Беранже, Мицкевич и песни кавказских горцев. Несомненны просветительские цели, которые ставил перед собой Фет в своей переводческой деятельности.

Высокий уровень общей культуры отличал деятельность Фета, который никогда не мог утолить жажды познания мира. Он впитывал в себя века и народы.

Он искал, но далеко не всегда находил. У него было много попыток написать поэмы, баллады, сюжетные стихи, эпиграммы, послания... Он многое перепробовал. Но только в лирике, именно в лирике, перо его властвует и покоряет. Только в лирике, именно в ней, сердце его высказывается с убедительностью, заинтересованной не столько в полноте исповеди, сколько в ее недосказанности. Между строфами Фета не бумажные пробелы, а горные пропасти, бездны, звездные миры. Внимательное чтение Фета разрушает иллюзию его идилличности. Он предстает перед нами как поэт, обуреваемый всеми страстями и чувствами, проходящими через человеческое сердце: от созерцания падающего листа до опускания гроба в могильную яму.

Разумеется, нас не может умилять заискивание старого поэта перед «августейшим» молодым автором К. Р. — великим князем Константином Романовым, погоня Фета за почестями, за придворным званием камергера, дарованным ему в 1889 году. Все это вызывало негодование и насмешку со стороны самых близких ему людей, таких, скажем, как Страхов, Полонский, Тургенев. Это — было.

В письме от 1870 года Тургенев упрекнул Фета: «Ведь эдак, пожалуй, соскользнешь в Каткова... В Булгарина упадешь!»

Фет ответил Тургеневу:

Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О, как уверю я тебя
Что я не Греч и не Фаддей Булгарин?

При всей своей враждебности к освободительным идеям его времени Фет чувствовал, что в русской литературе с такой характеристикой жить невозможно, невозможно стоять на одной доске с отъявленными негодьями и реакционерами.

О Фете надо судить по его лирике. Вот главное дело его жизни, вот его основной поступок, вот его прямой душевный жест. Лирикой своей он и остается жить не только в памяти, но и в сердце новых поколений. Ради лирики он умел отречься от многого, в том числе и от своих жестоких житейских обычаев, от своего практического склада мыслей. Аполлон Григорьев так писал о Фете, имея в виду еще молодые его годы: «С способностью творения в нем росло равнодушие. Равнодушие ко всему, кроме способности творить, — к Божьему миру, как скоро предметы оно переставали отражаться в его творческой способности, к самому себе, как скоро он переставал быть художником... Этот человек должен был или убить себя, или сделаться таким, каким он сделался...»

Цена «равнодушия», о котором говорит Григорьев, очень велика. Фет проделал над собой скрытую от наших глаз работу, направленную на то, чтобы защитить свое чуткое сердце, свою душу, в которой происходило «страшное хаотическое брожение стихий». «Равнодушие», о котором говорит Григорьев, покидало Фета, как только он обретал способность творить. Это было его главное поприще, его убежище, его клятва и молитва. Именно эту способность творить красоту Фет считал истинной жизнью. Что же касается его практической жизни, то она могла ему не нравиться, более того — вызывать отвращение. Но надо помнить, что это отвращение вызывала в нем не только его собственная жизнь. Он полагал, что это относится к жизни вообще, бессмысленной, низменной, оскорбляющей высокие чувства. Вот почему для художника «впечатление, вызвавшее произведение, дороже самой вещи, вызвавшей это впечатление». Можно пойти дальше: дороже жизни, родившей эту вещь. Одна из задач фетовских мемуаров состояла в том, чтобы показать: его житейский путь и путь поэтический не имеют ничего общего. Творчество и практическая жизнь шли у него по параллельным линиям.

Последние годы жизни поэта омрачены болезнями: одышкой, хроническим воспалением век. В 1892 году, по приезде в Москву, он заболел бронхитом. Прошла болезнь, но не прошла слабость. Не дожив двух дней до своего 72-летия, Фет умер. Говорят, смерти его предшествовала неудавшаяся попытка самоубийства.

<...>

Жизнь Афанасия Афанасьевича Фета, как мы видели, небогата внешними событиями. Но зато его духовная жизнь интенсивна и богата. Не бурнопламенными страстями, не демоническими взлетами и падениями, а несметной множественностью оттенков восприятия мира. Где обычно слышится один-единственный тон, там Фет улавливает бесчисленное количество переходящих друг в друга полутонов. Нескончаема цепь его переживаний, чувствований, ощущений, воплощенных в слове.

Сознательно или бессознательно, Фет избегал в лирике прямой автобиографичности, характерной для других поэтов. Но как бы он ни избегал ее, как бы ни уходил от непосредственного рассказа о своей жизни, именно в лирике надо искать ответа на многие недоуменные вопросы, которые ставит его биография. Психологические предпосылки фетовского творчества складывались именно в его житейской судьбе, не иначе.

Жизнь Фета была сильно усложнена по крайней мере двумя неравновеликими и разными по характеру своими обстоятельствами, наложившими отпечаток на его судьбу, на мировосприятие его, на психику, на образ мыслей и действий.

Первое обстоятельство связано с происхождением Фета. Родившийся в Новоселках и выросший в них сын русского помещика Афанасия Шеншина не имел права называть

себя русским дворянином. Биографам причина этого ясна. Лечившийся в Германии Шеншин увез от мужа Шарлотту Фет, родившую мальчика через месяц по прибытии в Россию. Этому мальчику было дано имя Афанасий. В четырнадцатилетнем возрасте ему пришлось перенести страшное потрясение. Духовные власти Орла обнаружили, что мальчик родился до брака Шарлотты Фет с Афанасием Шеншиным. В отличие от младших братьев и сестер, законно именовавшихся Шеншиными, он должен был называться Фетом, что было для него несчастьем. «Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет».

На протяжении многих лет он глубоко переживает свое двусмысленное положение. Тем сильней и яростней он мечтает о восстановлении права именоваться Шеншиным, то есть стать помещиком и принадлежать к дворянской России. Фету нужно было доказать обществу, что он принадлежит к дворянству России, и никак не иначе, что он не Фет, а Шеншин. Имея в виду эту линию жизни своего друга, Тургенев писал ему не без иронии: «Как Фет вы имели имя, как Шеншин вы имеете только фамилию».

О том же говорил Жемчужников, еще резче обозначая контрастность двух фамилий:

И пусть он в старческие лета
Менял капризно имена
То публициста, то поэта:
Искупят прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.

Выхлопотав право принадлежать к роду Шеншиных, получив дворянство, поэт все же сохранил за собой имя своего настоящего отца — дармштадтского судебного чиновника. Под именем Фет он был к тому времени широко известен русской читательской публике. Как бы там ни было, ощущение двойственности прошло через всю жизнь поэта и во многом определило его психологию, характерной чертой которой было непостоянство, тревожная половинчатость.

Человеческий облик Фета современники рисуют весьма противоречиво. Одни описания не накладываются на другие. Если в одном случае изображается жесткий и жестокий, волевой и сильный хозяин, то в другом случае перед нами — меланхолик, смятенный дух. Университетский и литературный друг Фета Аполлон Григорьев пишет: «Я не знаю человека, который мог бы сравниться с ним в умении хандрить. Я не видел человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства... Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять страшное хаотическое брожение стихий его души». Как ни подавлял их Фет, как ни уходил с головой в жизнь помещика-агронома, мирового судьи, это «хаотическое брожение» его души было дрожжами, на которых поднималась и всходила его лирика.

Здесь-то в пору сказать и о втором обстоятельстве его жизни, наложившем не меньший отпечаток на его личность, на его душу. Впрочем, оба эти обстоятельства жизни Фета взаимосвязаны и взаимозависимы. В годы военной службы Фет познакомился с Марией Лазич. Она была поклонницей его поэзии, даровитым музыкантом, весьма образованным человеком. Молодые люди полюбили друг друга. Но, как это ни странно для художника, Фет сбежал от сильного чувства. «Мои средства тебе известны, она ничего тоже не имеет» — так писал Фет в одном из писем к другу. По понятиям Фета, бедность его и Лазич делала невозможным их брак. Последовала насильственная разлука. Вскоре не стало Марии Лазич. Она сгорела (несчастный случай или самоубийство? — неизвестно). Как бы ни складывалась дальнейшая жизнь помещика Шеншина, но художник Фет не мог уйти от этой трагедии. До глубокой старости он писал стихи, обращенные к ней, к своей загубленной любви.

Если пристально взглянуть на эти два приведенные здесь обстоятельства, то станет ясным и очевидным, что они-то и создавали определенный психологический фон лирики Фета, они-то и питали ее. «Хаотическое брожение» души поэта проецировалось на его

лирику несчетным множеством оттенков переживаний. Острая художественная восприимчивость, глубокая впечатлительность, воспаленность не имеющего покоя сознания — все это выбрало природу, любовь и творчество ареной, на которой разыгрывалась многоактная и многолетняя лирическая драма.

<...>